

РУКА В ЦЕНТРЕ

Рассказ МАКСА ЗИНГЕРА

I.

С утра в редакции оглушительно трещали телефонные звонки, создавая первую атмосферу.

Товарищ Любимова регистрировала одной рукой материалы, отираемые в типографию другой, нажимала кнопку звонка, вызывая курьера, а щекой припинула к плечу телефонную трубку, тщетно пытаясь привлечь внимание вздремнувшей телефонистки.

С огромной разбухшей сумкой через плечо вошел в редакцию почтальон. Товарищ Любимова принял почту, и быстро распределив ее по отделам газеты, распечатала адресованное ей письмо.

«Досточтимая и уважаемая редакция! Прошу выслушать мой голос с провинции. Как я есть сейчас уволенный из кооперации ни за что ни про что, то имею достаточно времени для того, чтобы освещать интересующую Вас работу сов. аппарата, кооперации и т. д., в условиях и пределах Лобедянского уезда, Тамбовской губернии. Кроме всего этого у меня есть, отпечатанные на машинке «Ундервуд», воспоминания об участии в гражданской войне (РККА).

Во всем изложенному прошу Ваше согласие на труд сообщить мне.

С братским приветом Иван Беркетов».

Оторвав листок из редакционного блокнота, Любимова размашисто написала:

«Москва, 20 мая 27 г.

Товарищу Беркетову.

Имеющиеся у Вас материалы присылайте на просмотр редакции.

Технический пом. секретаря

Любимова».

Художник Мих. Либаков — «Строительный рабочий»

Стоял ясный солнечный день, когда деревенский разносчик писем встретил у колодца Беркетова, ковылявшего пьяной походкой, и испедил ему конверт, на котором виновательно чересчур бланк крупной московской газеты. Беркетов сунул письмо в карман, оставленный от неожиданности, словно получил надел на десять душ в прибавок. Придя к себе домой, он ткнул самогом попавшегося под ноги кота, сел на скамью под образа и синичкой бережно вскрыл конверт.

Когда Беркетов прочел письмо Любимовой, сердце его забилось, как синица в энзадие. Куда и хмель прошел. С письмом в руках побежал Беркетов к председателю, товарищу Стуликову.

— Ну что, Стуликов, чье брест? — вместо приветствия сунул под нос Стуликову письмо. — Вон оно как! Вы меня из кооперации пленнили, а мы вас, стало быть... В центр будем писать! Не лантем щи хлебаем!

— Да что ты, парень, колготишься! Говори толком, не пойму я тебя, — отступал Стуликов от наскакивавшего Беркетова.

— Чего тут понимать, тут ясно сказано! Товарищ Беркетов, присылай материал и никакая гайка! Погоди, мы покажем как это из кооперации увольняют!..

— А ну, покажи письмо-то! Трепещешься не бось? — сказал Стуликов.

— Да-а а... — протянул нараспив Стуликов, озадаченный неожиданно складывающимися обстоятельствами, завидев конверт с бланком крупной московской газеты.

— Когда ничего сказать, так и ла хорошо, — сказал Беркетов. У вас первое дело — выгнать человека! Мало ли что Беркетов вынуждает? Все сейчас вынуждают! А если Беркетов и прогулял три дня, так обратите внимание — то же были Вера, Надежда, Любовь и мать их София! А в такой день я ни одному партейному не поверю. Но Беркетов человек не злопамятный. — Не в том дело, дорогой товарищ, а в том, что вы меня ни во что не ставили, а вот в центре — на меня обратили внимание. Сам технический пом написал! Если опосля этого у вас не найдется мне работенки по письменной части — это уж ваше дело, только на меня не пеняйте. Я предупредил по-товарищески, — потянул носом и сплюнул под стол Беркетов. — Я ведь кажется могу составить бумагу за первый сорт, сами знаете.

— Вот пролаза, уж в центре руку достал, — подумал Стуликов.

— Да, так вот, товарищ Стуликов, — заговорил снова Беркетов, — я предупредил и скажу, что я вам не селькор Борисов, которого вы жмете со всех сторон. Не таковский я, потому что я центральный корреспондент и имею полное право завтрашний же день вывести вас на чистую воду.

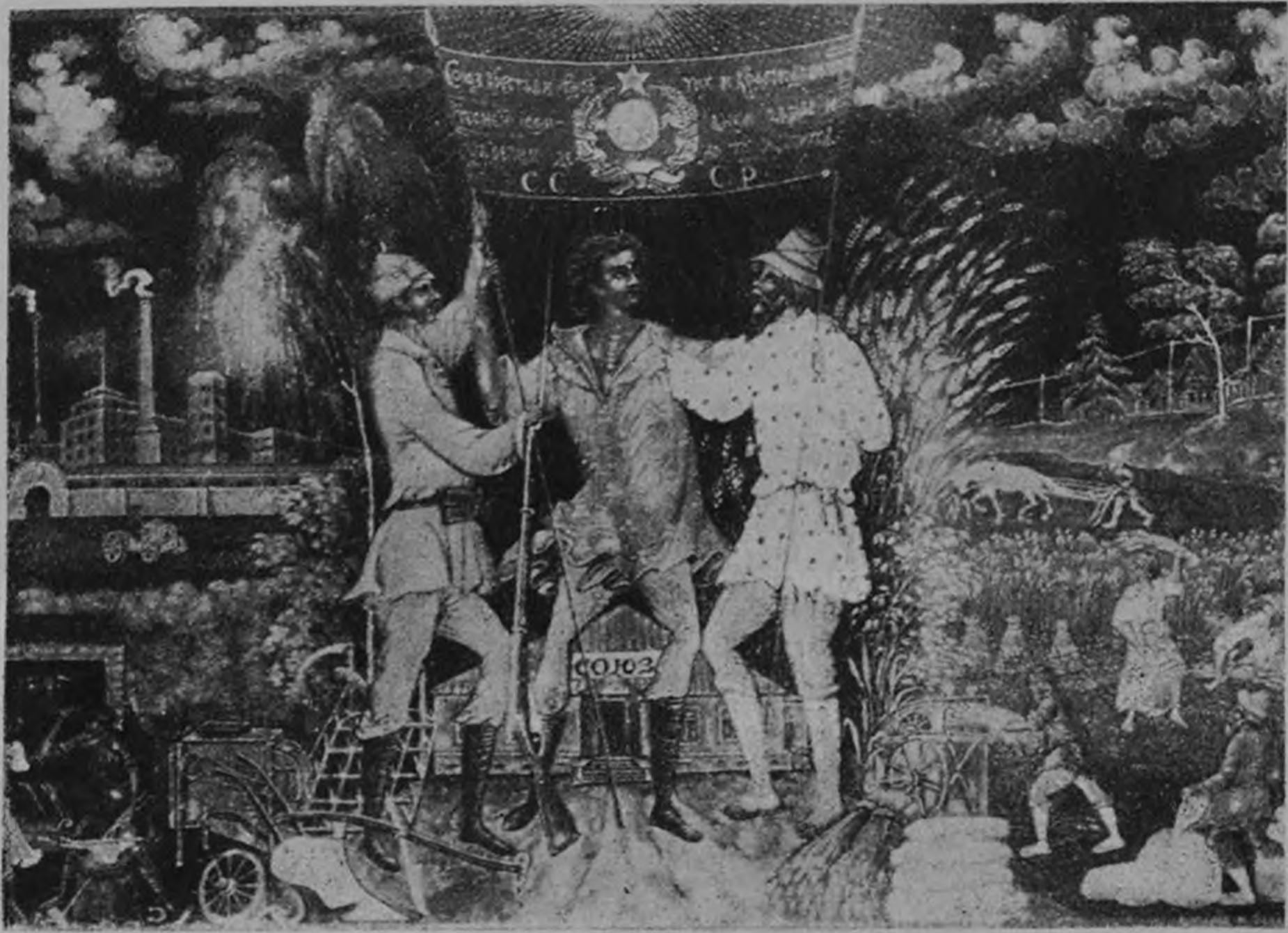
— Ну, вот что! Будя зря бузить! Супротив тебя у нас возражений нету. А пить бросишь — так что-ж, работай себе за милую душу. Нам то что? Не детей крестить! Кстати, человек требуется. В аккурат завтра общее собрание. Приходи, приговор составишь. Дело у нас есть, с умом надо сделать. Насчет Дуняшки

Выставка произведений искусств в Москве к десятилетию Октября

Худ. Ряжский — „Физкультурница“

ВЫСТАВКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВ В МОСКВЕ К ДЕСЯТИЛЕТИЮ ОКТЯБРЯ

Изаховский кустарь И. Баканов — „Смычка“

Сапожниковой. Хотим ее всем миром взять на иоруки, как она отравивши своего единственного мужа.

— Ну, это нам — раз ипонуть! Прощевайте, товарищ Стуликов. До завтрева.

II.

Сход был у пожарного сарая. Собралась вся деревня, Галдели, кричали, а Васька Корнеев, выставленный из комсомола за хулиганство, так тот даже гармонь с собой захватил и после речи первого оратора стал наяривать «яблочко». Гармонь у него отняли, а самого отвели к тетке, жившей у пожарного сарая, подсветив, для ясности, по дороге глаза.

Постановили, приняв во внимание, что у Беркетова есть рука в центре, просить Москву через редакцию газеты помиловать Евдокию Сапожникову.

Беркетов составил приговор и огласил его при всем захваченном собрании:

Приговор.

24 мая 1927 года общее собрание граждан дер. Горбатое Астаповского общества, в присутствии 26 домохозяев с правом решающего голоса, под председательством товарища Стуликова и секретаря Беркетова, выслушав словесное заявление Звонарева С. И., единогласно постановили выдать настоящий приговор о характеристике дочери его Евдокии Сергеевны, суть кого следующая:

Звонарева родилась в семье самого беднейшего крестьянина, который взошел по наследству в крестьянство из чисто фабрично-пролетарского происхождения, получив жалкое крестьянское хозяйство. И вот Звонарева, воспитываясь в своем доме среди нужды и нищеты, не получив даже правильного сельского образования, и ее захлестывает революционная волна молодежи, где она начинает вращаться в кругу РККМ. Ей, как молодому отпрыску РСФСР, становится тяжело жить в той обстановке, в которой она находилась, и она начинает рваться из деревни и искать более свободного женского гнезда. Присовокупляем, что за Звонаревой Е. С. замечались слабости умственного мозга. Уехав в город Москву, чтобы пройти курсы кройки и шитья, она знакомится с членом профсоюза металлистов тов. Сапожниковым, с каковым решилась на совместную жизнь.

Прямо некоторое время Астаповское общество услышало, что между Звонаревой и ее мужем вышел пре-

ступничий разрыв — она отравила своего мужа и стала виной перед судом.

В связи с происшедшими уклоном уголовного характера со стороны Звонаревой Е. С. и ее мужа, Астаповское общество просит Московский Губсуд, ввиду ее низкого культурного уровня, чисто рабоче-крестьянского происхождения и несудимости, применить к ней статью Уголовного Кодекса. Но как таковая и в своей молодости не была под замечанием, как отпрыску революционного авангарда, применить к ней самую смягчайшую статью, ввиду ее тяжкого неврастения.

Председатель Стуликов.

Секретарь Беркетов.

— Теперь, — продолжал Беркетов, — товарищи, желающие подходите к столу прикладывать подписи.

Подписались и за истребительностью наставили крестов 26 человек. Прикрепив к приговору гарбовую марку и вылизав конверт, Беркетов вывел химическим карандашом: «лично — Любимовой» и адрес московской редакции.

Любимова, получив письмо на свое имя, немало удивилась.

— От кого это может быть? — вскрывая конверт подумала она. — Уж не от Кольки ли Сафонова? Вот свинья! Месец как ушел из репортёров во флот и ни строчки не черкнул. Да нет, это не от Кольки! Это из Лебедяни от кого-то.

Торопливо прочитав письмо, Любимова написала на нем сбоку красными чернилами: «В Губсуд».

III.

Губсуд отклонил ходатайство граждан дер. Горбатое. Из редакции Беркетов не получал больше пакетов. А Стуликов, называя Беркетову в работе, урезонивал его:

— Трепло ты — и есть трепло. Бесполезный человек! Сунулся в волки, а хвост как у телки. Ломаный тебе пятак цена! А суще тоже грозиться вздумал! Не на таких напад, братинечка! Нас не запугаешь!

**ЖУРНАЛ
„КРАСНАЯ ПАНОРАМА“
В 1928 ГОДУ
В ОТДЕЛЬНОЙ ПРОДАЖЕ № 10 КОП.**

Худ. Е. Наумов — „Ходоки у Калинина“

Художник
И. С. Вереский
«Морозный день»

КРАСНАЯ ПИНОРДИЯ

№ 4

Цена 10 коп.

Библиотека

Публ. х. Ильин
В. И. Ленин

КРАСНАЯ ПАНДАМА

Тов. ВОЛОДАРСКИЙ

Портрет работы художника С. В. Чехонина

шие ключки возделанной земли и сочились зеленью тропических растений.

На краю того острова, к которому направлялся корабль, пристали одинокий маяк с полосатой башней, чтобы отсюда по ночам, вспыхивая проблесковыми лучами, показывать путь морякам, затерявшимся в океане. Около самого берега показались дома, похожие на игрушечные кубики. Это были португальские колонии, населенные малочисленными племенами туземцев: неграми и мулатами.

На мостик поднялся капитан Кэнт в белом форменном костюме с золотыми позументами, с вензелем на фуражке. Он редко показывался здесь, проводя все время в своем салоне. Поэтому матросы рассматривали его с любопытством, точно он впервые появился на судне. Бульдожье лицо его было чисто выбрито, освежено одеколоном. Обменявшись несколькими фразами со своим третьим помощником, молодым человеком, который почему-то излишне суетился перед ним и по-юношески краснел, он начал прохаживаться по мостику под разведенным тентом. Шаги его были медленные, словно ему трудно было носить собственное тело на кривых ногах. По временам, останавливаясь, он бросал сквозь очки взгляд на океанскую ширь, на острова, на палубу своего судна.

На «Орионе», приготовляясь к погрузке угля, давно уже открыли бункерные люки. Матросские постели, чтобы не запылить их, снесли с первого трюмного люка в кубрик. Все палубные работы были закончены. Матросы без дела толпились на баке. Некоторые из них уже раньше бывали на этих островах и теперь делились впечатлениями со своими товарищами. Рулевой Кинче, рыжеволосый, с круглыми опущенными плечами, покачивая маленькой головой на толстой шее, рассказывал баском:

— Я однажды застрял здесь на берегу дольше, чем следует. Судно мое ушло. И опоздал-то на какой-нибудь час. Трехмесячное жалованье мое только улыбнулось мне, а досталось в руки капитану. Капитан из итальянцев был, чтобы у него от моих денег растрескалось сердце, как земля от жары. Три недели прошло, пока не подвернулась вакансия на другой коробке. Хватил я тут горя, на этом острове.

Сунулся в карманы — пусто. Цустил в оборот свой новенький костюм, а сам нарядился в хомотья. На придачу и жил кое-как. Питался маном и фруктами. Одно только утешение было — с мулатками развлекался. Женщины угариные и до нашего брата большие охотницы. Вдребезги измучился.

— Эх, хоть бы денек один покурали на острове! — воскликнул кочегар.

Кинче посоветовал:

— Запасайся, ребята, авансом. Главное, чтоб мелочь была. Торговки пропрут на палубу с фруктами. Будет дело.

Все ухватились за эту мысль и двинулись к каюте пер-

А. Д. ДЮРУПА
Скульптура работы С. Д. Лебедевой (выставка Совнаркома к 10-летию Октября)

вого штурмана. Сайменс, выглянув из каюты, спросил:

— Что скажете хорошего?

— На счет аванса, сичьор Сайменс.

— По сколько?

— Немного — по десять долларов на брата.

Сайменс почесал за ухом.

— Ого! Разыгрался у вас аппетит. И по два доллара некуда будет девать. Имейте в виду, что вы за целый месяц забрали жалованье вперед еще в Буэнос-Айресе.

Много спорили и сошлись на половине запрошенной суммы.

Старший кочегар, латчанин Домбер, получивший аванс, встретился около третьего люка с Лутатини и спросил:

— А вы что же, друг, не стояте в очереди?

Лутатини был сыном зажиточного нотариуса. На судно он попал в качестве матроса по пьяной лавочке, подписав в кабаке контракт с агентом от пароходной компании. Такое подневольное плавание очень тяготило его.

— А на что мне деньги? — спросил он.

— Фруктов купите или еще что-нибудь. Мало ли на что пригодятся деньги. Лучше иметь их у себя в кармане, чем в шкатулке администрации.

— Это верно.

Лутатини смущенно встал в затылок других. А когда расписался

в ведомости, вышел из каюты очень довольным. Это был первый гонорар, заработанный им физическим трудом. Он бережно завязал серебряные монеты в грязную тряпку, служившую ему носовым платком, и засунул их в карман рабочих брюк. Он даже улыбнулся, как будто приобрел большое богатство. Но сейчас же его загорелое лицо приняло выражение озабоченности. Чрезвычайно волновала близость земли. Опять вспыхнула тоска по родине. Единственная мысль не давала покоя — нельзя ли отсюда послать телеграмму отцу? Может быть там, в Буэнос-Айресе, примут какие-нибудь меры, чтобы избавить его от тяжести матросского труда и от риска быть утопленным немецкими субмаринами.

«Орион» вошел в бухту, представлявшую собою часть разрушенного кратера. Застопорили машину. Не успели еще

бросить якоря, а к бортам уже причалили две баржи с углем. Целая шлюпочная флотилия окружила судно и, горланя на разных языках, лезла на него, словно хотела взять его на бордаж. Первыми, взбираясь по штурм-трапу, поднялись на палубу начальствующие лица. Среди них были: двое военных, полиция, таможенные и портовые чиновники. А возглавлял всех местный губернатор, смуглый португалец, лет пятидесяти, в форме с золотом и медалями, с саблей на левом боку. Что-то карикатурное было в том, что на ногах у него, вместо сапог, желтые новенькие сандалии, а короткие темносиние панталоны.

ПРОЦЕСС ШАХТИНСКИХ КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

В Москве началось слушание дела шахтинских контрреволюционеров. На снимке — группа обвиняемых на скамье подсудимых

«Кустар»

Художник

М. Н. Орлова

КРАСНАЯ ПИИОРДИЯ

№ 22

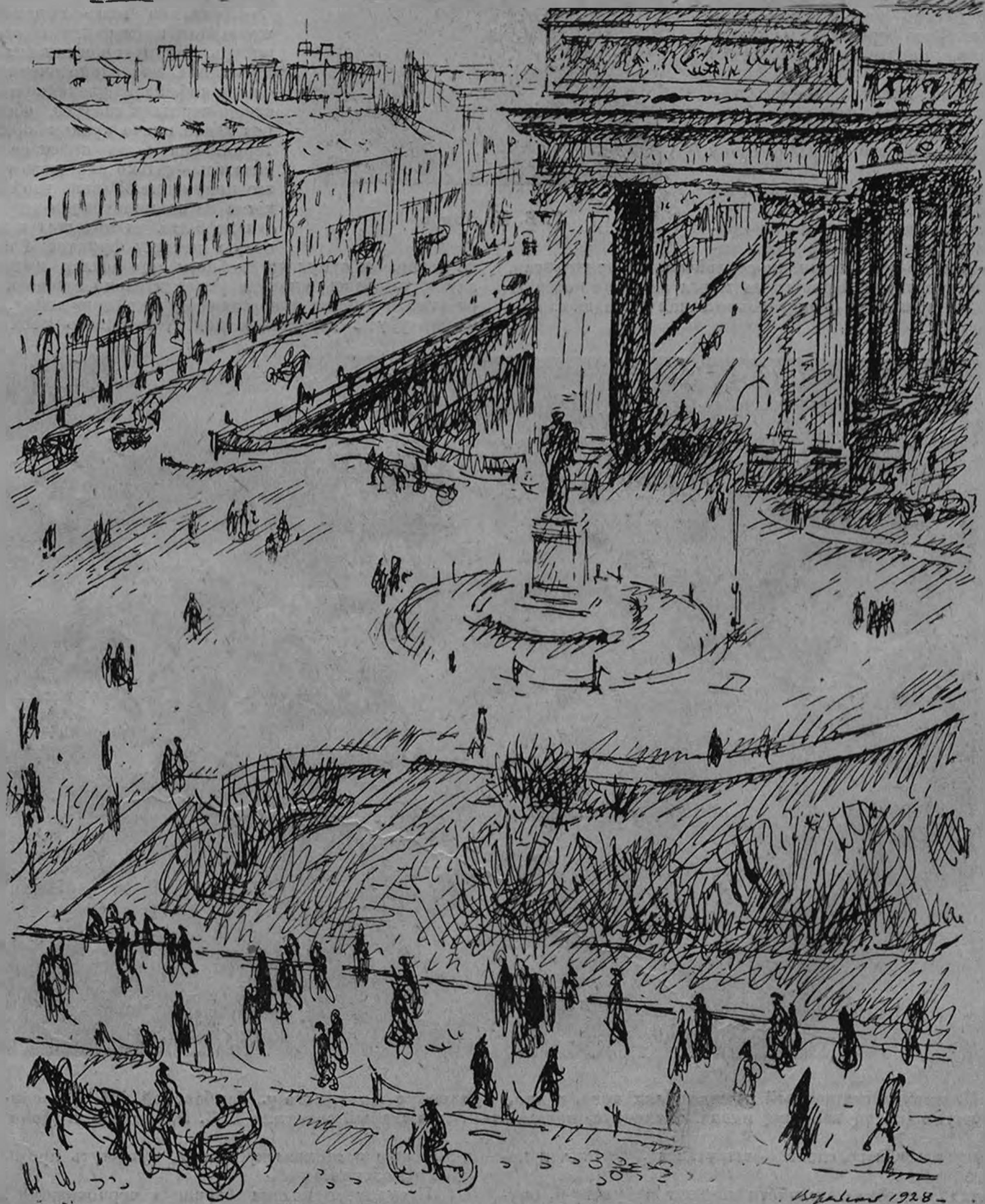
Цена 10 коп.

Красная Панорама

ЛЕТО В ЛЕНИНГРАДЕ

Проспект 25-го Октября (у Казанского собора)

Рисунок Г. С. Борейского